

ИЗ ПРОШЛОГО МАРКСИЗМА

КАРЛ КАУТСКИЙ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Соцэкгиз, М.—Л., 1931.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА¹

Третья глава. ГОСУДАРСТВЕННООБРАЗУЮЩАЯ СИЛА (СТААТЕ-NBILDENDE KRAFT) НОМАДОВ

Если мы примем во внимание большое различие в психологии крестьян и пастухов-номадов: добродушие, а вместе с тем неподвижность, беззащитность, покорность первых, бедность, воинственность, отвагу, а часто также и способный к приспособлению ум последних, тогда мы будем иметь в лице крестьян и пастухов два фактора, взаимодействие которых на известной ступени Развития должно было привести к тому, что пастухи подчинили себе крестьян и сделали их своими данниками. Отдельные пастушеские племена соединили многочисленные общины и крестьянские области в одно целое, стали во главе этого общества, начали его эксплуатировать и перестали быть при этом пастухами.

Так были созданы первые государства.

Ратцель настойчиво подчеркивает большую способность к государствообразованию у номадов:

«В воинственном характере номадов лежит большая государственно-образующая сила... которая, быть может (теперь. — К.), менее очевидна в больших государствах Азии, где господствовали династии и армии номадов, как, например, в покоренной турками Персии, в Китае, завоеванном и жестоко управляв-

¹ Окончание. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 2.

шемся последовательно монголами и маньчжурами, во время господства государства монголов и раджпутов Индии, и более очевидна на оконечностях Судана, где еще недостаточно продвинулось вперед слияние элементов сначала враждебных, а затем вступивших в плодотворное взаимодействие. Здесь, на пограничной полосе между кочевниками и земледельческими народами, с большей ясностью, чем где бы то ни было, обнаруживается, что задатки к культурному развитию, которые должны быть, без сомнения, даны и которые дают большие результаты, возникают не на базе мирной культурной деятельности, а, наоборот, они в основном военного происхождения и вначале прямо антагонистичны и вредят этим мирным культурным стремлениям. Значение этих стимулов можно видеть в стремлениях и способностях номадов энергично объединять в мощные государства народы, живущие в оседлом состоянии и при таком положении легко отпадающие друг от друга» («Völkerkunde», III, S. 6, 7).

Я не разделяю теории государства Ратцеля. Он считает государством каждую общину, располагающую определенной территорией, и государственно-образующую потенцию номадов он видит поэтому в их способности расширять посредством завоевания общины и насильственно удерживать завоеванные области. Он не понимает, что в этом случае получается уже община особого рода, получается уже государство в марксистском смысле этого слова.

И, кроме того, он не замечает, что государственнообразующая сила отнюдь не прирождена номадам как таковым. Там, где номады остаются в своей среде, у них не обнаруживается этой способности, она проявляется лишь тогда, когда они сталкиваются с земледельцами. И те и другие одинаково необходимы для образования государства. О государственно-образующей силе номадов есть также мало оснований говорить, как и о водообразующей силе водорода, потому что для образования воды кислород необходим не менее, чем водород. Государственно-образующим фактором является лишь соединение номадов и

земледельцев. Земледельцы при этом даже важнее, чем пастухи-номады, ибо не может быть никакого образования государства без оседлого земледельца. И наоборот, образование государства может произойти в условиях, когда антиподом являются не пастухи-номады, а племена, обладающие качествами, аналогичными качествам номадов.

В Америке нет животных, которые необходимы для того, чтобы кочевое скотоводство получило значение. Бизон не поддается укрощению, а осла, лошади и верблюда нет вовсе. Вместо овцы можно было использовать ламу, однако на очень узкой территории.

В Америке не оказалось и той противоположности между пастухами-номадами и земледельцами, которая создала бы государственно-образующий фактор, хотя и в Америке антагонизм между воинственными номадами и мирными земледельцами выступает в качестве государственно-образующего фактора, но с той разницей, что номады добывают себе мясо охотой и скотоводством; пустыня не играет там роли в образовании государственно-образующего фактора.

Но нигде образование государства не происходит в результате победы над охотниками или пастухами; лишь земледельца легко покорить и заставить работать на других. Охотник и пастух — мужская часть, не женщины — оказывают яростное сопротивление всем попыткам в этом направлении; они согласны скорее умереть, чем примириться с подневольной работой. В тех же случаях, когда удается их принудить к этому, они обыкновенно быстро гибнут. Одно уже отсутствие свободы передвижения делает их апатичными и нежизнеспособными. В этом причина — хотя, конечно, не только в одном этом — вымирания охотничьих и пастушеских народов там, где они включаются в мощное государственное объединение, вроде создаваемых современными европейцами. Вместо того чтобы быть фактором государствообразования, пастухи сами гибнут от государства, тогда как оседлые земледельцы, принадлежащие к тем же расам, под кнутом европейской цивилизации оказываются часто

вполне жизнеустойчивыми.

Кунов указывает на то, что создание государства предполагает известный уровень производственной техники у побежденных и управленческой техники у победителей:

«Для основания государства нужна довольно высокая ступень хозяйственного развития. Покоряемые должны достигнуть такой ступени в деле добывания средств существования, чтобы для победителей было выгодно наложение дани и принуждение побежденных к труду на отнятой у них земле, т.е. чтобы ожидаемый доход перевешивал труд по надзору и правлению подчиненной части населения; и далее нужно, чтобы победители были в состоянии создать аппарат внутреннего управления, который позволил бы им включить побежденных в известную систему господства и подчинения» (*Die Marxische Geschichte-Theorie*, 1, S. 297).

Разумеется, эти технические предпосылки обязательны для организации государства, но их недостаточно. Основание государства требует также ряда предпосылок психологического характера. Государство создается при наличии определенных духовных способностей, свойств характера, способов мышления и восприятия.

Такая точка зрения означала бы идеалистическое понимание истории лишь в том случае, если бы эти психологические предпосылки выводились из движения саморазвивающегося духа, т.е. из движения, возникающего из самого себя, следовательно, из ничего. О такой самодвижущей закономерности здесь уже потому не может быть речи, что от природы духовные человеческие качества и у крестьян, и у пастухов были одни и те же, что при самодвижущей закономерности должно было бы привести к созданию и у тех и у других к одной и той же психологии; это означало бы, что с самого начала человеческого развития существовал земледельческий и существовал пастушеский дух, из которых каждый обладал своей собственной противоположностью. Мы не нуждаемся в этой смехотворной теории. Исследование жизненных условий, условий производства пастухов и

земледельцев достаточно для того, чтобы понять особенности психологии тех и других. Но тем самым государственно-образующее свойство насилия и войны полностью сводится к их экономическим предпосылкам.

Четвертая глава. ОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Для основания государства недостаточно, чтобы какой-либо народ, состоящий из мирных, трудолюбивых и усердных крестьян, достигших известного уровня благосостояния, но в то же время прикованных к своим земельным участкам, имел в качестве соседа бедное, воинственное племя, которое свободно рыскает вокруг, не любит тяжелой работы и предпочитает удовлетворять свои потребности путем грабежа.

В результате подобной встречи скорее можно ожидать не создание государства, а периодическое ограбление крестьян, что может привести к полному обезлюдению области, особенно если победители имеют возможность или использовать побежденных в качестве рабов в собственном хозяйстве или же выменивать их у других племен за какие-либо другие товары.

Это и было уделом уже в XIX в. трудолюбивых и мирных земледельцев Судана, которые на севере и на востоке граничили с пастухами-номадами или же их потомками, в большинстве арабского происхождения. Обширные области быстро обезлюдели вследствие систематических вторжений этих безжалостных разбойников и охотников на рабов. Даже эксплуататоры от современной капиталистической цивилизации нашли эти методы получения дохода слишком неэкономными и мало совместимыми с потребностями длительной эксплуатации, тем более, что сами они уже перестали пользоваться рабством. Поэтому они начали борьбу против охотников на рабов.

Но еще в 1884 г. Паулишке писал о торговле рабами во внутренней Африке следующее:

«Она свирепствует с неослабевающей силой. Европейская цивилизация и гуманность бессильны против этого зла в Су-

дане... чтобы поймать десять человек, часто убивают сотни; подсчитано, что таким образом *ежегодно* в Центральной Африке убивается, исключительно благодаря охоте на рабов полмиллиона человек» (paulitschke, Die Sudanlander, Freiburg, i. Br. 1895. S. 13, 14).

Такие встречи кочевников с оседлыми земледельцами, если бы они носили всеобщий характер, могли бы привести лишь к обезлюдению и запустению тех областей, где это имело бы место.

Однако не всегда земледельцы были столь незащищены, а кочевники так превосходили их в области военной техники, как это еще недавно имело место в Судане. Благодаря защитительным сооружениям, устройству рвов с водой, постройке заграждений и других средств защиты им нередко удавалось задержать противника в его губительном предприятии. В этом случае кочевникам, если они хотели воспользоваться заманчивыми продуктами крестьянского производства, оставалось лишь одно: перейти к торговле и менять шкуры и шерсть на хлеб, финики, на продукты промышленности, как ковры и т. д.

Подобная торговля бывает часто очень оживленной, но она, естественно, не может удовлетворить кочевников. Она лишь приучает их к продуктам крестьянского производства и скорее только раздражает их аппетит. Вместе с тем они начинают также понимать, каким образом производятся эти продукты, и сознают нелепость уничтожения условий их производства.

Там, где кочевники находятся на такой стадии, они уже не используют своего возможного перевеса сил для захвата в рабство побежденных и для уничтожения их средств производства; они считают более целесообразным оставить их жить в качестве крестьян, там же, где они живут, и наложить на побежденных регулярную дань, которой последние откупаются от своего уничтожения. Такие отношения были весьма распространены в древности, и еще до сих пор мы их встречаем в Аравии.

Эдуард Майер, говоря в своей «Истории древности» о семитах, иллюстрирует начальный период их истории ссылкой на условия, которые существуют еще и до сих пор. Он говорит там:

«Условия жизни семитских народов точно предопределены природой. В центре — большая Аравийская пустыня. Необитаемыми являются лишь большие песчаные пустыни частью на севере Аравии, частью на востоке и юге... В других же местах Аравию окружает, прежде всего в центре, большая возвышенность Недшеды, а на юго-западе, в Йемене и Азире, обширная область, местами годная для культуры пальмы и для разведения рогатого скота, а отчасти даже для земледелия... Как во всех других аналогично расположенных областях земной поверхности: в Северной Африке, Центральной Азии, Аралокаспийских степях и пустынях, в Иранском плоскогорье и в его солончаках в центре, так и в Аравии и месопотамо-сирийской пустыне население делится на оседлые племена, осевшие по культурным оазисам, и на племена кочевников (бедуинов)... Бедуины живут с оседлыми племенами в постоянной вражде, в результате которой оседлые племена откупаются от разбойничьих налетов уплатой регулярной дани, пускают по окончании жатвы кочевников пастись на свои поля и вступают с ними в отношения брагской «зависимости» (*Geschichte des Altertums*, 1, 2, Stuttgart 1909. S. 349-353).

Здесь мы наталкиваемся на вторую форму эксплуатации, существующую в истории. Первая форма — это рабство; при рабстве для работы на других принуждаются лишь отдельные индивидуумы, при этой же второй форме — все племя в его целом. Общим же в том и другом случае является то, что эксплуатируемый не входит с эксплуататором в одну и ту же общину: раб потому, что он стоит вне всякого гражданского права, платящий же дань потому, что община, к которой он принадлежит, еще не потеряла своей самостоятельности. Эксплуататоры и эксплуатируемые составляют две отдельные общины, следовательно, они не являются поэтому двумя классами.

Оба племени становятся классами лишь тогда, когда они сливаются внутри одного общества, с общим руководством и с общими законами, которые диктуются эксплуатирующим племенем; вследствие этого последнее племя превращается в гос-

подствующий класс, которому племя эксплуатируемое подчиняется в качестве класса угнетенного.

В своей книге о государстве Платон сравнивает оба класса, эксплуататоров и эксплуатируемых, с государством в государстве. Это выражение насчет двух наций, составляющих государство, затем употреблялось неоднократно (например Дизраели). Это есть образное выражение, и на позднейших стадиях государственного развития оно и понималось как таковое, между тем как в начальный период существования государства это выражение имеет буквальный смысл. Две нации, два племени превращаются в одно общество, в одно государство благодаря тому, что их предыдущее пространственнораздельное существование прекращается. А так как оседлое племя не может, не теряя источников существования, покинуть землю, на которой оно живет и которую обрабатывает, то именнономадам приходится проститься со своими степями и поселиться на территории земледельцев.

Этот процесс совершается постепенно, но всегда сопровождается насилием, хотя он может также завершиться сразу в результате вторжения племени победителей. С начального периода существования государства и до настоящего времени большие изменения в области государственных отношений происходят чаще в форме политических катастроф, в противоположность экономическим трансформациям, которые протекают постепенно, поскольку они означают не крушение старой постройки, а возникновение новой.

Когда в жизни государств наступает внезапный переворот, обычно дело идет о *политической* революции. Эта революция может повлечь за собой также и *экономическую* революцию. Но всегда обманывались до сих пор те, которые думали, что новый способ производства так же может быть одним ударом установлен вместо старого. Сама политическая революция имеет своей предпосылкой медленное и постепенное социальное изменение, которое в последнем счете сводится к изменениям в экономических отношениях. Так обстоит дело также и с первой политиче-

ской революцией в мировой истории, с основанием первого государства на основе завоевания. Два условия должны быть налицо, для того чтобы война и покорение земледельческого племени номадами не привели лишь к грабежу или к регулярной уплате дани, а, наоборот, кончились обоснованием победителей на земле побежденных и подчинением их своему управлению. Племя завоевателей должно научиться понимать существо и потребности способа производства побежденных, иначе оно скоро разорит их и вместо создания государства оставит лишь пустыню. Это понимание может быть достигнуто лишь благодаря длительным сношениям с племенем, которое должно в дальнейшем подвергнуться порабощению, сношениям частью мирного торгового характера, частью связанных с применением насилия и с принуждением к уплате регулярной дани. И то и другое предполагает, что оба племени являются соседями. Когда кочевые племена нападали на далеко лежавшие от них области, культура которых была им чужда, они были в состоянии лишь подвергать их разграблению и опустошению, но не создать прочного государства в них. Так обстояло дело, например, с гуннами, которые в период переселения народов продвинулись из внутренней Азии к границам Римской империи и обрушились на них. Совсем другие результаты получились у германцев. Но и среди германцев наиболее прочных успехов достигли западные германцы, которые перед тем уже в течение долгого времени жили на границах Римской империи и с жителями последних находились в постоянных сношениях. Прошло много столетий, раньше чем они оказались способными к основанию государства.

«Во II в. до нашей эры германцы еще не обрабатывали землю.. (? К.), а жили исключительно от охоты и скотоводства. Когда Цезарь столкнулся с ними в 58 г. до нашей эры, они хотя начали уже заниматься земледелием, однако оно играло еще второстепенную роль в их хозяйственной жизни. И 150 лет позже, во время Тацита, они не культивировали растений, которые требуют многолетнего ухода, раньше чем приносят плоды, т.е.

разводили корнеплоды, но не имели ни фруктов, ни вина (О. Seeck. Die Geschichte des Untergangs der Antiken Welt, Stuttgart 1921. 1, S. 196).

И два столетия после Тацита, т.е. вначале переселения народов, земледелие западных германцев хотя и было более интенсивным, но еще носило полукочевой характер. И совсем еще на стадии пастухов-номадов находились тогда восточные германцы и наиболее из них важная их группа — готы. Готы массами ринулись на римскую империю, однако построить новое прочное государство на ее развалинах удалось лишь западным германцам.

Одной из предпосылок для образования государства является известный культурный уровень у народа-завоевателя. Однако это не единственная необходимая предпосылка: и покоряемые должны достигнуть определенного экономического уровня. Доход от их производства должен быть таков, чтобы он мог прокормить не только производителей, но и их господ. Там, где это невозможно, последние либо сами должны выполнять земледельческие работы, что претит всему их существу, либо они должны остаться при своем кочевом хозяйстве, что исключает возможность организации государства.

Скудный доход, получаемый в маленьких оазисах Аравии, был главной причиной того, что здесь никогда дело не доходило до создания настоящего государства, и до настоящего времени удержалась лишь старая система наложения дани на земледельцев со стороны их соседей-номадов. Дело здесь не в каком-то мистическом недостатке «государственной способности» у арабской или семитской «расы». Арабы-завоеватели в благоприятных условиях, вроде тех, которые были им обеспечены прежде в Месопотамии, не один раз доходили до основания великих и сильных империй.

Путь организации государства в различных условиях может быть весьма различен. Применение насилия здесь необходимо во всех случаях, однако степень насилия со стороны нападающих и сопротивление со стороны обороняющихся, конечно, не

было всегда одинаковым. В соответствии с этим и взаимоотношения между господствующими и угнетенными классами складывались весьма различно. С населением, которое отчаянно защищалось и причиняло большие потери победителям, последние обращались гораздо более жестоко, чем с покорившимися добровольно. А с другой стороны случалось также, что подвергшиеся нападению были в состоянии выявить столько силы, что нападающие были рады, если их партнеры соглашались лишь на отношение легкой зависимости.

В государстве, уже в связи с самим фактом завоевания, могли существовать рядом друг с другом различные виды эксплуатации — с этой именно причиной образования классов мы и имели до сих пор дело. С другими мы познакомимся ниже. Победоносное племя номадов обыкновенно не удовлетворялось лишь завоеванием и покорением небольшой крестьянской общины. Оно присоединяло к себе последовательно другие подобные же общины и в государстве, которое из них составлялось, оно обеспечивало каждой такой общине разное положение.

Наконец различие в классовых взаимоотношениях могло содаться и благодаря тому, что раз основанное государство не было обеспечено в дальнейшем от вторжения следующих завоевателей. Новые пришельцы могли или искоренить господствующий класс, который они находили и место которого они заняли теперь, что они делали чаще всего тогда, когда он им казался опасным в военном отношении; или же они могли перевести его на низшую ступень и использовать его, что часто приводило к особому виду разделения труда.

Как мы уже видели выше, господствующему классу выпадали функции ведения войны и управления государством, но также и осуществление предприятий, которые превышали силы отдельных крестьянских общин и которыми могла руководить лишь государственная власть, например большие постройки.

Старый господствующий класс в государстве, существовавшем уже продолжительное время, мог получить большой опыт в области мирных государственных функций. В этом состояло его

превосходство над вновь пришедшим, в то время как этот последний имел превосходство со стороны военной силы. В таких случаях часто создавалось разделение труда между старым господствующим классом, имевшим превосходство в знаниях, и новым классом, который оставлял за собой военное дело, а функцию управления государством и выполнение культурных предприятий предоставлял своему предшественнику. Геродот сообщает (I, стр. 101), что мидяне распались на шесть племен, одним из которых было племя маджи. Когда мидийское царство было побеждено персами-номадами, они обеспечили мидянам привилегированное положение во вновь основанном персидском царстве. Особенным почетом пользовалось племя маджи за свое знание высшей мудрости. Маджи смогли принять участие в управлении в качестве советников.

Так образовались рядом друг с другом два высших класса: сословие или каста воинов, с одной стороны, и жрецов — с другой. В итоге последние были в состоянии достигнуть такого положения в государстве, которого они в догосударственный период не имели, поскольку они тогда в лучшем случае представляли из себя профессию, а часто лишь побочную профессию при основной производственной деятельности. Но и в государстве не всегда дело доходило до образования особого сословия жрецов. Там же, где они имели достаточную для этого силу и влияние, они умели, обыкновенно, закрепить свое привилегированное положение перед дальнейшими новыми завоевателями. Каста жрецов в древнем Египте не была ликвидирована ни одним из иностранных завоевателей, вторгавшихся в Нильскую долину. Смертельный удар получили они лишь тогда, когда новая организация духовенства уже в римский период ликвидировала египетское духовенство наряду со всяким другим национальным духовенством.

Впрочем, и последние покорители Египта перед римлянами, а именно греки, уже не склонялись перед умственным превосходством египетского духовенства. Более ранними завоевателями Египта были пастухи-номады, или племена, недалеко ушед-

шие от этой стадии. Наоборот, греки, ко времени завоевания Египта Александром Македонским, обладали уже культурой, которая во многом превосходила египетскую. Александрийские ученые (в 111 в. до нашей эры) не испытывали уже такого почтительного страха перед египетским духовенством, как это было с Геродотом в IV в. (498-425 гг. до нашей эры).

Однако греческо-римское образованное духовенство христианской церкви не могло в Египте утвердиться так, как это ему удалось в странах, более близких к Риму и Византии. С распадом Римской империи пала также сила христианского духовенства в Египте. С V в. нашего исчисления в Египте, как и на остальном Востоке, все в большем и большем количестве увеличиваются христианские секты, которые отпадают от Рима и Константинополя и которых не удается подавить кровавыми преследованиями. В результате образовалась самостоятельная египетская церковь — коптская церковь.

Когда падение Римского государства открыло возможность для новых вторжений номадов в Египет и в Переднюю Азию, а именно вторжение арабов в VII в., то они были радостно встречены со стороны коптов. Коптская церковь удержалась в Египте до настоящего времени, но она не стояла в духовном отношении выше вторгнувшихся номадов. Ни она, ни тем менее антиримские христианские секты на Востоке не создали сословия духовенства, которое могло бы занять господствующее положение. И арабы также не выделили из своих рядов и на основе своей религии господствующей духовной касты, ислам остался свободным от нее.

Наоборот, римская, из Рима руководимая церковь, в противовес германским номадам, вторгнувшимся с севера в Римскую империю, сложилась в духовно гораздо более превосходящую и прекрасно дисциплинированную силу, которая не могла быть просто устранена, подобно коптской церкви. Римская церковь создала духовенство, которое делило со вторгнувшимися варварами функции господства: оставив за ними военные функции, оно на протяжении долгого времени сосредоточивало вокруг

себя лучшие силы государственного управления, все силы науки и искусства, архитектуры и средства сношения.

Таким образом, уже благодаря только различным видам подчинения среди покоренных могли существовать самые большие различия в классовом положении. Но точно так же большие социальные различия могли сложиться и среди победителей, вследствие различного участия, которое принимали отдельные слои их в борьбе и победе; из этих различий могли получиться при соответствующих условиях очень серьезные классовые антагонизмы.

На земледельческую область не всегда обрушивалось только одно единственное племя кочевников. Мы уже указали выше на то, что кочевые племена очень легко группируются для совместных выступлений. Случалось, что такая причина для передвижения, например, всеобщая и далеко распространившаяся засуха, была сразу у нескольких племен. Каждое военное предприятие требует руководителя; его естественно было искать среди самого сильного из объединившихся племен. Для руководства союзом племен мог играть роль также престиж, полученный известной личностью во время счастливых военных и грабительских походов, что также увеличивает влияние племени, к которому эта личность принадлежит.

Руководящее племя имеет перевес над другими племенами по силе и по размерам добычи и представляет из себя нечто вроде аристократии внутри победоносного союза. А с другой стороны, и внутри самого племени обыкновенно не все соплеменники принимают одинаковое участие в грабительских и завоевательных походах.

Не все семьи находятся в одинаковом положении: одни имеют излишек военнопособных людей, другие — недостаток; одни располагают площадью, годной для земледелия, другие — нет; одни имеют больше способности и склонности к земледелию, чем к скотоводству.

В качестве такого разделения труда внутри одного и того же племени Ратдель приводит туркменам:

«Хотя земледелие и скотоводство в степи требует совсем различного образа жизни, однако даже у туркмен часто уже одна необходимость наряду с другими жизненными припасами иметь также и хлеб приводит к разделению труда у членов одной и той же семьи, именно с этим связано деление на ишомру (оседлые) и на шорва (кочующие)» («Volkerkunde» III. S. 355).

В качестве другого повода к разделению труда Ратцель указывает на различие в судьбе стад. Туркмен, теряющий много скота, вынужден заниматься земледелием, тогда как другой, у которого стадо растет, не имеет времени для земледелия и забрасывает его.

Этот мотив, несомненно, может иметь очень важное значение, однако даже самая настоятельная необходимость к разделению труда может не привести ни к чему если для этого нет соответствующих условий. Степь характеризуется именно тем, и приспособленный к ней способ производства в виде номадского скотоводства обязан своим существованием именно тому, что земледелие возможно лишь в немногих местах. Кто не располагает соответствующего качества площадью, того даже самые сильные побудительные причины не сделают землепашцем. Сам Ратцель в цитируемом месте показывает, что земледелие в степях Центральной Азии концентрируется в определенных пунктах.

Наконец существуют области, в которых земледелие, как постоянное занятие, возможно для всего племени в целом, и это имеет место прежде всего за пределами пустынной зоны, при климате с большим количеством осадков. Но наряду с этим возможно также скотоводство в широких размерах, причем земля обрабатывается таким образом, что земледелец не приковывается к своей пашне, земледелие ведется экстенсивным образом, без оросительных сооружений, без удобрения, при довольно поверхностной вспашке; в землю вкладывается немного труда, земледелец легко расстается с ней даже при незначительном поводе к этому.

Номадское земледелие подобного рода было широко распространено в Северной Америке еще в XIX в. Оно составляло также способ производства германцев, которых описывали Цезарь и Тацит, только германцы были в большей степени скотоводами, чем поселенцы американского «крайнего запада». Земледелие отнимало только часть их рабочих сил, другая часть оставалась для занятия номадским скотоводством, в круг которого входили также грабежи и убийства.

Вокруг предводителя, стяжавшего славу своими успехами, собирается со своим вооружением излишек населения и образует его свиту для авантюристических предприятий всякого рода, часто лишь для нападения на соседних номадов и их грабежа. Но иногда различные племена заключают между собой мир, и тогда весь излишек их воинской силы оказывается свободным для большого похода против соседней культурной страны. Воинственные дружинники могут ограничиться лишь грабежом, с возвращением затем всех обратно. Но победа может быть и такого рода, что нападающие останутся в завоеванной стране и за ними последует и остальное племя.

Там, где передвижение и завоевание происходит таким образом, элементы племени, имеющие склонность к земледелию, могут удовлетвориться тем, что получают в новой области большую площадь земли и лучшего качества, а кроме того, быть может, также пару рабов для подсобной работы. Функции же господства и эксплуатации будут оставлены за дружиной предводителя. Дружинники делят между собой огромные области с большим количеством рабочих сил; победители живут за счет их труда, а сами посвящают себя теперь исключительно лишь военному искусству, надзору, администрированию над покоренными, т.е. государственному управлению. Их имения даются им теперь частью как вознаграждение за прошлую службу, частью как плата за будущие услуги, которые они должны оказать государству.

Воины и эксплуататоры по профессии, эти дружинники отделяются теперь в качестве служилого дворянства от остальной

массы своих прежних товарищей, которые продолжают жить своим прежним трудом. Но и эти последние также стоят над покоренным населением, над несвободными. Они не платят никакой дани и принимают участие в политических собраниях господствующего класса. Они составляют слой просто свободных.

Обыкновенно этот слой не удерживается долго в таком положении. Мы еще увидим, что образование государства влечет за собой вечное состояние войны. Для того или иного военного похода может потребоваться призыв в войска всех свободных; так бывало в кочевой период, но с оседлым интенсивным земледелием такое положение на длительный срок несовместимо. Свободные крестьяне разоряются при таком положении. Либо они превращаются в должников, продают землю и на их территории возникают латифундии с применением рабского труда, как это имело место в древней Италии, либо они вынуждены отдаться под защиту какого-либо сильного синьора, который не только освобождает их от обязанностей обороны, но также и от права на оборону.

Мы видим, как многочисленные классовые прослойки и деления могут возникать уже при самом возникновении государства на основе только самого факта завоевания, независимо от тех делений, которые возникают внутри государства без насилия, лишь в результате чисто экономического развития, о чем мы еще будем говорить в дальнейшем.

Но как бы ни разнообразны были классовые деления, классовая психология внутри сферы земледельческого производства, которое до последнего столетия было основной отраслью производства в государстве, не подвергается изменению. На одной стороне мы видим крестьянина, который остается тем же, чем он и был, когда еще организовывалось государство, и что бы последнее ни делало — он остается трудолюбивым, экономным, миролюбивым, часто боязливым и покорным работником и создателем прибавочного продукта, превосходящего то, что необходимо для него самого и его семьи. А с другой стороны, и психология земельного дворянства, где оно сохранилось, осталась

той же самой, какой она была у этих людей на стадии номадских пастухов и отчасти также на стадии охотников-номадов.

Еще и теперь знать так же питает презрение к тяжелому труду ради заработка, считающегося недостойным этого сословия, как считает для себя недостойным этот труд первобытный дикарь Австралии. Когда один австралийский туземец наблюдал за работой крестьян, выходцев из Европы, он отвернулся от нее с ужасом и отвращением. И этот жалкий бедняк по сравнению с европейцами заявил, однако, с гордостью: «Только белые работают, а не черные, черный человек — благородный человек» (Peschel, Volkerkunde, S. 156).

И завоеватель-номад, основывающий государство, также заявляет, что работа есть стыд, и этот принцип переходит от него по наследству ко всякой земельной аристократии позднейшего времени; лишь занятиеномада кажется ей достойным ее сословия, а именно занятие охотой, войной и грабежом (поскольку не является других классов, достаточно сильных для того, чтобы помешать ей в этом деле). И бережливость так же мало свойственна аристократам, как иномадам; они презирают ее не меньше, чем труд.

Ратцель говорит ономадах:

«Занятие скотоводством хозяйственно возможно лишь при быстром увеличении стада. По сути, номадское скотоводство является невыгодным хозяйством, потому что оно заставляет терять время, растрчивает силы в бесполезных передвижениях и уничтожает полезные вещи» (ibid., III, S. 37).

Подобная же беспечная расточительность характерна и по сей день для настоящей аристократии.

Презрение к труду и бережливости идет рядом с презрением к трудящимся и экономным людям, т.е. к «простому» народу в государстве.

Издавна высокомерие составляет существо всякой аристократии, этих «прекраснейших и лучших» (*kalos kagatos*), как называли себя в Аттике эти элементы, скромно именующие себя в Германии «благородные и лучшие» («*edelsten und besten*»).

Национальное высокомерие отчасти связано также и с аристократическим чванством. Но, разумеется, лишь отчасти, потому что, с другой стороны, оно покоится на невежестве и на ограниченности. Каждый человек склонен рассматривать свою собственную персону в качестве мерила всех вещей и недооценивает других людей, которых он не понимает.

Но у аристократов их национальное высокомерие больше связано с сословным чванством, чем с ограниченностью. В введении к своей «немецкой истории» Лампрехт цитирует песнь Вальтера фон-Фогельвайга, которая гласит:

Tiusche man sint wol erzogen,
rechte, als engel sint diewip getan...
Tugend und reine minne
swer die snochen wil
der sol komen in user lant.

Это значит в переводе:

Немецкие мужики прекрасного воспитания,
женщины — истинные ангелы...
Кто хочет сыскать
доблесть и истинную любовь,
пусть идет в нашу страну.

Лампрехт замечает при этом:

«Никто не отрицает, что автор говорит все это из чувства общей национальной гордости. Но эта гордость обосновывается превосходством придворно-рыцарской жизни в Германии над нравами заграницы; она является не столько продуктом пережелезающего через край национального воодушевления, сколько сословного честолюбия («Deutsche Geschichte», Berlin, 1891. 1. S. 16).

Далее Лампрехт говорит:

«Придворный этикет, характерный для рыцарского образования, отражается и на понимании национальной гордости: немцы должны быть выше всех других по части рыцарства. Это мировоззрение отражается и в песне Вальтера. Оно проявляется в великих подвигах крестовых походов; оно отражается в

надменных рыцарских рейдах на славянские земли и на Италию; оно заставляет наших соседей то на том, то на другом конце германской границы поднимать крик о высокомерии (*Superbia*) немцев» (*ibid.*, S. 16, 17).

И во времена управления Гогенцоллернов часто раздавался крик о высокомерии немцев. И на этот раз это высокомерие больше всего проявлялось в кругах земельного дворянства и его паразитов и его льстецов, в прессе и в университетах. И это национально-немецкое чванство питалось сознанием того, что ни в одной современной цивилизованной стране земельному дворянству не была предназначена такая роль, как в новой немецкой империи.

Наряду с этим чванством наблюдается также забота аристократии о сохранении «чистоты крови».

Так как господствующие и подчиненные представляют два различных племени, хотя и не всегда две различные «расы», враждебно противостоящие друг другу, брачные связи между ними, начиная с периода организации государства, были очень затруднены. Если же при длительном совместном сожительстве разделяющие оба племени перегородки не только не падали, но полностью сохранились или даже увеличились, то это нужно приписать тому же аристократическому высокомерию. Подобно разбойнику-номаду, и аристократ не прочь снизить до дочери трудолюбивого земледельца, чтобы использовать ее как орудие для наслаждения, но Он относится к ней и к ее детям, если таковые есть, так же, как номад к похищенной рабыне.

То обстоятельство, что первобытный номад и аристократ более позднего периода имеют очень много сходного в своей психологии, надо, разумеется, приписать не тому, что и тот и другой принадлежат к одинаковой расе, потому что такое совпадение бывает лишь в редких случаях. Между номадом догосударственного периода и аристократом наших дней находится очень много промежуточных ступеней. В результате кровосмешения в узком кругу многие аристократические фамилии находятся в состоянии вырождения и деградации; эти фамилии получают

подкрепление лишь постольку, поскольку время от времени в ряды наследственной знати вливаются смелые счастливые «выдвиженцы» (Emporkommlinge) из других слоев и обновляют ее свежей кровью.

Но и помимо этого человеческая психология слишком изменчива и способна к приспособлению, чтобы она могла оставаться без изменения при меняющейся обстановке, даже несмотря на традиции замкнутых браков. Если мы, поскреба настоящего аристократа наших дней, обладающего чувством сословного самосознания, откроем в нем достаточное количество черт татарина — не современного, цивилизованного татарина — то это объясняется не тем, что в этом аристократе течет чистая кровь древнего номада, но тем, что условия жизни того класса, к которому он принадлежит, еще и до сих пор во многих государствах во многом напоминают условия жизни номада. Положение аристократии в государстве заставляет ее сохранять многие из тех психологических черт, которые отличают пастуха-номада от земледельца. Функция аристократии, в качестве господствующего и эксплуатирующего сословия, систематически воспроизводит многие из тех свойств, которые дали перевес номадам над земледельцами. Однако многие из их свойств, которые помогли номадам выступить основателями государства, заметно утрачиваются с того момента, когда они овладевают властью. Об этом у нас еще будет речь дальше.